

БЫТИЕ-ВМЕСТЕ И ДЕМОКРАТИЯ

Жан-Люк Нанси

1

Как известно, Хайдеггер первым ввёл «вместе» в философский обиход. Это означает, что в течение приблизительно двух с половиной тысяч лет это слово не обладало статусом понятия среди философов. Действительно, ни у кого из них нельзя найти спецификацию этого «вместе» хоть в каком-то виде. Понятно, что я утверждаю это здесь, опираясь на проверенные данные, но признаю, что может оказаться, что у кого-то и обнаружится указание на такое понятие. Но ни у кого не представлено и фрагмента доктрины, носящей похожее название.

Но, возможно, сверх этого, что два соображения – структурообразующие в архитектуре, главенствующей в нашей философской традиции, и находящие выражение в «метафизике присутствия», – принципиально противостоят этой концептуализации. Первое – это то, что указанное «вместе» касается прежде всего объектов, когда мы рассматриваем их пространственную или темпоральную смежность, поскольку эта смежность тотчас же оказывается случайностью, с которой чаще всего, а значит, существенным образом знанию нечего делать (с этой точки зрения, и субъекты также являются лишь объектами: их вероятная смежность является несущественной, поскольку она не подпадает под более высокую инстанцию вроде «любви» или «народа»). Второе, являющееся продолжением первого, касается того факта, что смежность или близость *априори* являются обесцененными, поскольку сами по себе не отсылают ни к какой цепи разумных причин (например, каузальной), ни к какому сущностному или пространственному, или временному элементу (в сущности есть только сама сущность, в точке или мгновении – только сами точка и мгновение).

Согласно этим соображениям, «вместе» противопоставляется гетерогенности, экстериорности и приближению. Ничто здесь не подчиняется ни логике единого, ни логике идентичности, ни логике связи, ни логике единого, реализуемого в другом или через другого, под каким бы углом их ни рассматривали (обмена, торговли, заключения контракта, иерархии, подчинения, зависимости, собирания, ассоциации, привязанности, страсти). Там, где та или иная из этих логик требует, чтобы простая смежность была заменена эксплицитным и интеллигибельным отношением – к примеру социальная, политическая или религиозная связь, посредством которой придаётся определённое значение соприсутствию, которое само по себе его лишено.

«Вместе» незначимо и даже лишено значения. То, что этот стакан находится на этом столе вместе с этим карандашом, не

устанавливает никакого рода отношения между стаканом и карандашом. То, что я нахожусь в автобусе вместе с африканкой, которая вошла туда вместе со своими двумя детьми, не предполагает никакого отношения между нами. То, что все галактики вселенной или даже все вселенные мультивселенной находятся вместе друг с другом (без того чтобы, вероятно, можно было бы даже сказать, какую иную совокупность более высокого порядка они образуют), не придаёт особого смысла этому со-существованию.

2

Однако некоторые другие привычные ситуации учат нас чему-то иному в отношении «вместе». Для начала, вовсе не достоверно, что присутствие этой женщины и этих детей в автобусе не вводит никакого намёка на отношение. Я замечаю, что это – женщина, африканка, мать, я замечаю, во что она одета, во что одеты её дети, и в этих наблюдениях, едва ли осознанных или, по крайней мере, не слишком преднамеренных или же принимаемых в расчёт, уже неизбежно имеется некая диспозиция, которую удобный случай привёл бы или приведёт к реальному отношению. Если эта женщина спросит меня, на какой остановке выходить, чтобы попасть в мэрию, мой ответ будет едва заметным показателем этого предсознательного отношения. Спонтанно я буду более или менее дружелюбен, более или менее готов продолжить обмен [словами].

Мне скажут, что я потерялся в микрологии. Конечно, мы находимся в [пространстве] крайне малого и незначащего. Именно здесь и начинается отношение: «впечатление» всегда предшествует ему, или, скорее, «впечатление» его уже всегда вовлекло прежде, чем мы завязали то, что называем обычно «отношением, заслуживающим этого названия». Мы располагаем в уме отношением, в котором слово должно быть важным, если не доминирующим, по крайней мере потому, что мы думаем об эмоционально сильном отношении, то есть, по меньшей мере, о позитивном «взаимопонимании» (во французском говорят «понимать друг друга» или «хорошо друг друга понимать», имея в виду «договариваться»: восприятие слова на слух, таким образом, превращается в метафору соответствия или гармонии). Но мы забываем, что слово, то есть значения, и сильные страсти (те, которым мы приписываем значения или ценности, что возвращает к тому же самому) возможны лишь на основе или посредством энергии, черпаемой из самых обычных и наиболее тайных источников страсти вообще.

Другая обычная ситуация – та, которую предлагает нам «натюрморт» в живописи. Различные предметы собраны вместе на полотне картины. Они могут относиться к кухне, убранству интерьерера, рабочему кабинету и т. д. Законом жанра является отсутствие людей и чаще всего также и животных. То, что составляет «сцену», не имеет ничего общего с регистром действия, драмы, повествования. Сцена сводится к соприсутствию этих вещей,

предметов, инструментов, цветов, фруктов... Иными словами, сцена – это «вместе» в чистом виде. Иногда, конечно, соположенность вызывает ассоциацию с действием (охотой, приготовлением пищи), однако мы не идём дальше ассоциации, и натюрморт может свестись также к простому пучку спаржи (у Мане), помещённому на блюдо. В то же время картина словно отсылает к минимальному действию (некто подаёт эту спаржу, затем ест её), отсылает к чистым живописным ценностям (формам и цветам) и предлагает простое присутствие, в котором несколько скромных предметов расположены друг вместе с другом и вместе с нами. Художник словно обозначает некое обнажённое, элементарное «вместе»: это там, рядом с нами, это всё.

Тем самым мы понимаем нечто, с чем уже знакомы: сама соположенность предметов уже способна создавать смысл. Производить не значения (которые остаются слабыми, как, например, идея употребления спаржи в пищу), но смысл, открытие смысла, поскольку смысл всегда есть не что иное, как отсылка от одного места к другому, от присутствия к присутствию. Смысл состоит в том, что нечто может что-то значить для чего-то другого: трава ценна своим цветом или консистенцией, или запахом, или в качестве пищи, или украшения, как аромат, как подстилка – для художника, для лошади, для муравья, для кулинара, для бродяги. Она пригодна также для другой травы, о которую её бьёт ветром, для капель воды, которые проливает на неё дождь, для камня или башмака, который её топчет.

Уже достаточно много обсуждались утверждения Хайдеггера по поводу отношения человека, животного и неодушевлённых предметов к миру. Для него, как известно, камень существует без мира, животное бедно в мире, только один человек является «создающим мир». Я не хочу здесь воспроизводить уже имевшие место дискуссии относительно этих выражений. Я хотел бы лишь сказать следующее: человек не делает или не формирует «мир» без содействия камня и животного. Вероятно, человек придаёт форму – *Bild*, форму или аспект, придаёт вид, образ, композицию, – но эта форма является той, что становится известной в качестве формы (образа и т. д.), вбирая в себя все формы, все аспекты и все образы, которыми уже обменивались между собой все сущие.

Этот общий обмен – твёрдый и тёплый камень под гибкой и замершей ящерицей, ветер в листьях, солнечный блик на морской воде, неслышное растрескивание зерна, столкновение двух метеоритов, нерест рыб с тысячами икринок – возобновляется и вновь активизируется в человеческом обмене знаками и в этом переплетении и переустройстве сущих, которые даны, в сущие произведённые, будь то инструменты, машины, вычисления и трансформации всех форм в новые формы, всегда реформированные и деформированные. Люди создают некий мир, переделывающий или пересоздающий данный мир, мировость мира. Однако этот процесс прекрасно показывает, каким образом за неким первым «вместе»

следует другое, которое в свою очередь не только есть «вместе», но выносит на передний план элемент и функцию «вместе».

Первыми, в действительности, являются соположенность и присутствие сущих, которые даются в их разнообразии, – камней, звёзд, ящериц, папоротников, собак и людей. Затем следует опрокидывание первой соположенности в угоду целой совокупности отношений, контактов, отсылок и разрывов, происходящих из человеческой реорганизации (*remodèlement*). Близости и удалённости, взаимодействия, причины и следствия, цели и предназначения становятся целью того, что называют «техникой».

С интересующей нас здесь точки зрения примечательно, что всё происходит в процессе переустройства этого «вместе». Там, где вода подтачивала камень или питала корни, она приводит в движение мельницы и движет корабли. Там, где воздух (ветер) качал ветви и переносил птиц, он надувает паруса и шевелит огородные пугала. Там, где камень лежал сам по себе, он уже соединился с другими камнями в некоем «аппарате». Ящерица, заглатывающая мух, скользит в зазорах – или трещинах – этого аппарата и становится также объектом зоологии.

3

«Вместе» управляется двумя важными принципами – или же устанавливает две сущностные координаты: с одной стороны – множественность, с другой стороны – близкое и отдалённое.

Множественность присуща этому вместе, поскольку единичная вещь не могла бы быть вместе ни с какой другой вещью. Но нет единичной вещи, поскольку «единое является своим собственным отрицанием», как говорил Гегель. Единичная вещь не могла бы ни быть в мире, ни создавать мир. Вот почему репрезентация Бога как единичного сущего, предшествующего миру, не имеет смысла, или же имеет смысл, соответствующий тому, что «Бог» не является сущим. Нет также и «нечто» в единственном числе, но есть «нечто» во множественном. Множественное не прибавляется к единству, оно ему предшествует и делает его возможным.

Коль скоро есть «нечто во множественном числе», эти вещи оказываются между собой близки или друг от друга удалены. Они могут также быть близки и удалены в зависимости от точки зрения, с которой рассматривают их отношения. Ящерица находится ближе всего к камню, на котором греется, и весьма далека от него, как всё живое от минеральной природы камня. Луна находится весьма далеко от земли, но она находится в особой близости с приливами (если сформулировать это традиционно – очень упрощённо – в духе космологической физики).

Близость означает состояние наибольшего приближения. Это превосходная степень прилагательного «близкий», но этот последний термин охватывает всего лишь абстрактную категорию – как в случае «близкий и далёкий», – и слово «близость» является во

французском единственным существительным, которое могло бы обозначить состояние быть близким. Как если бы «бытие близким» всегда возвращалось к «бытию очень близким», «крайне близким». (Слово «соседство», денотативное значение которого касается, прежде всего, факта проживания поблизости, обладает аналогичной характеристикой: нет более или менее близкого соседства; некто является очень близким соседом, [находящимся] в одном здании или в смежных домах, вряд ли на той же улице или в одном квартале, и уж вовсе не в городе или даже деревне.)

Всё происходит так, как если бы «более или менее близкое» имело лишь топологический смысл, а не экзистенциальный. Если же исходить из экзистенции, некто является (очень) близким или (очень) далёким, находится вблизи или на расстоянии (этот термин, со своей стороны, похоже, не нуждается в превосходной степени; можно сказать «очень удалённый», но «удалённый» уже подразумевает имплицитность некоторого «очень»). *Вместе* – это слово, образованное от латинского *apud hoc*, означающего «рядом с этим». *Рядом с, возле*: локальная ценность этих выражений – во французском, но можно было бы продемонстрировать то же самое и в других языках, – практически тотчас дублируется ценностью аффективной, и оба они вместе оказываются в *близости* друг с другом. Быть *рядом с* – это быть *очень рядом с, очень близко* и, таким образом, быть в близости. Однако близость предполагает больше, чем минимум дистанции: она охватывает определённое соучастие (*partage*). «Вместе» не довольствуется соположенностью и открывает сосуществование, которое вовлекает разделение (*partage*) цели, условия, ситуации и судьбы, или предназначения.

4

«Вместе» не может быть просто ограничено соприсутствием во внешнем, но предполагает, что это «со-» соприсутствия само по себе влечёт то, что французский язык называет «разделением» (*partage*) – термин, обозначающий разделение с коммуникацией или даже по правилу коммуникации: «разделять пищу» – это не просто делить её на отдельные порции, но также «принимать её сообща», то есть обмениваться чем-то, утоляющим голод и улаждающим вкус.

В этом плане необходимо вернуться к тому способу, посредством которого Хайдеггер вводит *mit* этого *Mitsein* или *Mitdasein*, «бытия-вместе». Действительно, он подчёркивает, что для того, чтобы мыслить это «вместе» с высоты «существования» (*I'«exister»*) – то есть того, что задействует самый смысл «бытия», – необходимо понимать этот термин не только в «категориальном», но скорее в «экзистенциальном» плане. Трактовать «вместе» просто как категорию означало бы рассматривать его только как ценность позиционную, локальную или топографическую. Уходя от такого понимания, Хайдеггер желает уберечься от той незначительности, которая тради-

ционно приписывается этому термину. Он, напротив, указывает, что его «экзистенциальное» понимание должно придавать ему достойную ценность задействия смысла «бытия». Этот смысл, стало быть, должен рассматриваться как задействие не просто вот-бытием (*Dasein*), но совместным-вот-бытием (*Mitdasein*). «Бытие-вместе» – это не вторичная и случайная характеристика «бытия»: это его конститутивное и изначальное качество.

Я игнорирую здесь тот факт, что для Хайдеггера *Dasein* являлось «названием», как он говорит, предназначенным для замещения названия «человек», слишком предполагающего человеческую сущность (и «гуманизм»). Я полагаю, не задерживаясь на доказательстве этого, что понятие «существование» (*l'«exister»*) пригодно для совокупности сущих, даже если человеческое сущее задействует особым образом то, что называют «смыслом» бытия.

Смысл «бытия» на самом деле не может быть ограничен смыслом человеческого существования. *Бытие* относится ко всему, что есть, – или, скорее, *бытие* не есть качество или свойство того, что есть (это заявил уже Кант), как и ничего другого, что позволяет ему быть сущим, каким бы оно ни было. Этот факт является внешним по отношению к любому виду качества, подпитываемого детерминацией. Он, если говорить вслед за Кантом, является простым помещением этого сущего в реальности (притом что известно, что реальность есть не среда, в которую можно было бы поместить что-либо, а эффективность самого этого «помещения»). Или, как уже было сказано, он демонстрирует, что «помещение» заключается исключительно и во всяком случае в «помещении с». Единственная в своём роде вещь, как мы сказали, не может расположить себя, тотчас же себя не сместив. Само положение является невозможным и чуждым и в смысле «позиции по отношению к другой позиции» (или «ситуации»), и точно так же в смысле «действия установления», «размещения» или даже «смещения».

Факт «бытия» и тот факт, что «бытие» есть только этот факт и ничего другого – следовательно, тот факт, что бытие *не есть* или *ничем не является*, – эта абсолютная фактичность, за которой не находится никакое другое абсолютное, обнаруживается в самой абсолютной корреляции с фактичностью «вместе». Есть вещи – а не одна вещь, – и эти вещи есть одни вместе с другими. Общее пространство их «бытия-вместе» – это мир. Но это общее пространство не является предсуществующим вместилищем по отношению к вещам: оно рождается, напротив, из этого положения. Это положение есть *рядо-положенность*, то есть положение одних рядом с другими, и *рас-положение* (*dis-position*), то есть позиция *в отрыве* одних от других. Корреляция *рядо-* и *рас-* даёт точную меру «вместе»: размещение на расстоянии и близость. В мире, как говорится, всё расставлено *и* близко (но нет «внутри», или это «внутри» целиком и полностью образовано бытием-одних-вовне-других всех сущих).

Эти понятия являются экзистенциальными (или даже, если угодно, «онтологическими»): они касаются не топографии, а того, что можно было бы назвать экзистенциальной топикой. Есть топология пространственной близости, в соответствии с которой всё, что есть, граничит друг с другом, и в это общение вовлекается уже то, что называют «смыслом» в той манере, набросок которой я сделал выше, говоря об обмене и общем разделении (*partage*) всех вещей.

5

Демократия как власть народа означает власть всех, поскольку они существуют вместе, то есть одни *вместе* с другими. Это не власть всех в качестве власти всякого или даже всей массы на основании простой соположенности разрозненных индивидов. Это власть, которая предполагает не рассеяние, удерживаемое под властью некоего принципа или некой объединяющей силы, но *расположенность* и *со-положенность*. То есть одновременно расположенность, которая не подразумевает никакой иерархии или субординации, и соположенность, которая понимается экзистенциально как разделение смысла бытия.

Это фундаментальное соображение изменяет природу «власти», в отношении которой также возникает вопрос, коль скоро она изменяет цель этого «вместе». Власть здесь не предназначена для удержания в подчинении разрозненных и разнообразных сил некоей массы, принципиально *дис-лоцированных* (то есть буквально разбросанных по многочисленным местам), но призвана обеспечить циркуляцию смысла, который бытие-вместе несёт в себе, или, скорее, который оно само формирует.

Из этого следует, что для истинного понимания природы этой власти, а следовательно, политической природы демократии необходимо прежде всего рассмотреть её экзистенциальную или онтологическую цель. Демократия находится в связи с антропологической и метафизической мутацией: она продвигает это «вместе», являющееся не просто равенством, но разделением смысла. Иными словами, демократия фундаментально чужда любой прямой или косвенной теократии (бог-король или король, наделённый божественным правом), и можно добавить, что любая недемократическая форма правления эксплицитно или имплицитно теократична (она взывает к принципу, превосходящему «вместе» или внешнему по отношению к нему). Вот почему предание короля смерти не является случайным эпизодом в истории демократии. Оно повторяется в различных формах, начиная с античных тираний и вплоть до обезглавливания короля Франции.

(Впрочем, это пока не даёт ответа на вопрос о возможности символической фигуры самого этого «вместе» или того, что называют «единством народа». Но этот вопрос должен быть поставлен в другом месте.)

Народ, *демос* – это «суверен», гласит демократическая аксиома. Что это означает? Это означает, прежде всего, что смысл «народа», смысл его бытия-вместе (*être-ensemble*) пролегает через него, в нём и для него.

Здесь требуются два замечания.

1. Эта имманентность противопоставляется трансцендентности только в том случае, когда этот последний термин обозначает нависание «трансцендентного», которое оказывается сущим, высшим и внешним по отношению к другим [сущим]. Но она вовсе не исключает того, что смысл производится в движении от трансцендентности к полной имманентности, то есть в переходе по ту сторону (*au-delà*): не *к* и не *в* некоей «потусторонности», которая занимала бы место высшего сущего, но по ту сторону без всякой потусторонней области, потусторонность как простое открытие этих здесь и сейчас – но открытие бесконечное.

2. Этот режим имманентности смысла универсален – или мультиверсален (*multiversal*), как мы говорим отныне: из этого следует, что смысл «народа» – и любой другой группы, совокупности или отношения, – или, возможно, более точно, смысл *как* народ предназначен для выражения или манифестации общего смысла (даже если нет общего смысла, но есть множественность смысла различных режимов и шкал). Человек как отношение (и отношение языковое) несёт в себе, если можно так выразиться, отношение отношений, или *вместе* этого уни/мультиверсального *вместе*.

6

Итак, народ не является прежде всего политической единицей. Это антропологическая (или онтологическая) реальность, отвечающая требованию давать смыслу простор формирования и циркуляции (то, что называют «языками», «культурами», все эти формы разделения (*partage*) этого бесконечного неосязаемого, которое мы даём себе ощутить). На самом деле, смысл является общим не в большей степени, чем уникальным. Не существует одновалентного и всеобъемлющего смысла, который, как кажется, всегда предлагают или обещают религии и идеологии. Если что-то и отсылает в чистом виде к философии, то как раз немедленная дисквалификация этой репрезентации «смысла» и размышление об истине смысла как о его прерывании или подвешивании и как о его множественности или сингулярности. «Этот» смысл всегда есть «некий» смысл, единичный смысл – смысл «некой жизни», как говорится, или культуры, или языка, художественного произведения, встречи, любви, дружбы, ненависти и т. д. Но в то же время он является «смыслом» только потому, что он сообщается: он существует в отсылке и в получении того самого, что образует смысл. Я понимаю турецкий или французский, или и тот и другой, и я произвожу, отправляю или получаю, я собираю смысл в соответствии с тем, что каждый язык или отсылка от одного к другому [языку] позволяют мне чувствовать.

Итак, разделение (*partage*) на народы не содержит в своём принципе ничего экономического или политического. Народ, но также группа, сеть, «общество», как говорят по-французски в строгом смысле слова (или «содружество», или «сообщество»), пара, трио, квартет (музыкальный термин здесь нечто большее, чем просто метафора) и вплоть до множественности, каковой «я» являюсь в себе и для себя, – всё это составляет разнообразие распределения и диспозиций, в соответствии с которыми смысл имеет место. Нет необходимости заранее задействовать «диалог» или «открытость к другим»: мы изначально находимся в этом измерении, именно в нём и посредством его мы рождаемся, живём и умираем.

Вне всякого сомнения, не существует отношений без использования власти различного рода (авторитета, силы, принуждения, способности принимать решение, знания, соблазна и т. д.). Власть несёт смысл двумя способами: с одной стороны, она обеспечивает энергию движения, усилие (*élan*) для проталкивания образований смысла, с другой стороны, она может, по этой же причине, как бы конфигурировать сам смысл. Такова двойственность шефа, вожака, хозяина, законодателя или основателя в какой бы то ни было области. По ту сторону демократии политическая власть всегда в большей или меньшей степени создаёт фигуру предположения смысла: народ – это тело, которому власть даёт голову. Голова может сама коммуницировать или объединяться с более высокой инстанцией, богом или судьбой народа (семьи, потомственной линии, нации, отечества и т. д.). Тем не менее оказывается, что «головной» смысл, приписанный политической властью, остаётся в себе отличным (более или менее или как правило) от смыслов, возможных в соответствии с другими измерениями совместной жизни (языка, искусства, культуры, чувствительности, отношения людей и групп, знания, мышления и т. д.).

Для демократической политической власти, являющейся властью самого народа, наиболее соблазнительно полностью смешиваться с любым смыслом или со всеми возможными смыслами. Вот почему современная демократия (с этой точки зрения античная была иной) изначально понимает себя как единство политического образа действия и общего смысла: суверенитета народа и судьбы этого народа, реализуемой через его суверенитет. Таков был дух движений за независимость и республиканских национализмов до тех пор, пока они не обернулись европейскими потрясениями XX века. Это значит, что они рухнули от того, что их презумпция воплотить уникальный и универсальный смысл народа (народов) оказалась совершенно неоправданной. Демократия не задумывалась над этим, будучи также политической формой, которой желала капиталистическая экономика для облегчения свободной и самопродуктивной циркуляции всеобщей эквивалентности (исключительно посредством денег). Именно в противовес этому сглаживанию ценности, то есть смысла, фашизмы и сталинизм сумели разыграть

карту более или менее священной и судьбоносной (*destinal*) реконфигурации «Народа».

Вот почему мы должны сегодня перевести демократию на другой путь, нежели смешение между политическим регистром и регистрами смысла, каковыми являются язык, литература, культура, встреча во всех их личных и коллективных формах. Политика должна обеспечивать движущую силу, цели которой находятся вне её. Чтобы сделать это, она должна задействовать свою ответственность в отношении условий открытия смысла, а не в самом смысле. И значит, она зависит от этого «вместе», а не от форм и целей всех возможных смыслов.

Итак, всё происходит посредством политики, но ничто не происходит из неё и не заканчивается ею. Всё не есть политика, в противовес фашистской или тоталитаристской формуле. И это так потому, что «вместе», лежащее в основе и требующее демократии, разворачивается сперва не в политике, а в онтологии или в антропологии, как вам больше нравится. Или в метафизике, если угодно. Можно было бы подумать, что политика утрачивает здесь свою славу. Но при этом она получает уточнение и требование: у неё есть свои определяющие, но также и определённые место и роль, за пределы которых она должна уметь не выходить. Она должна проистекать из строгого мышления об этом «вместе» в его бесконечности.

Перевод с французского языка
Вероники Фурс